

Дары волков

«Музыка для декабря»

Ивана Дыховичного на Первом канале

Денис ГОРЕЛОВ

Дыховичный — режиссер навыворот. Режиссер-окуморон. Эстетика безобразного. Пламенный лед. Адский рай. Цветы зла.

Предыдущий фильм «Прорва» был о старосоветском барстве. О том, как все хорошо, когда все вокруг плохо. Какое солнце, какие брызги, какие белые штаны и какой безудержный секс, когда ночами людей в кальсонах расстреливают на краю оврага. Как манит эта русская рулетка: каждый день в последний раз, гуляй, рванина.

«Музыка для декабря» — это о новорусском барстве. О том, как все плохо, когда все вокруг хорошо. Как холодно, как зябко, как томливо и импотентно, когда полон дом и стол, когда женщины красивы, а мужчины чертовски красивы, когда никого лишнего и нечего хотеть, кроме любви большой и чистой, которой-то как раз и нет, потому что предупреждение любых желаний отбивает любую охоту и хочется накокаиниться и зарезаться, чтоб хоть что-то полилось, кроме холодного шампанского и скользких вод Невы. Что и делали на ее берегах декаденты начала века, предвосхищая его конец. Сладок мед, да не по две ложки в рот.

В «Прорве» внутренняя секреция плескала через край, как в новом итальянском кино. Гэбэшник в белом, да с бутонем в петлице, да в исполнении Кортнева, солиста «Несчастливого случая», эстетно насиловал певичку в зеркальном лифте, замкнув ее в наручники. Салонная прима ложилась под немого грузчика в синей майке. Адвокат очертя голову шел спать к подзащитной, подозреваемой в убийстве четырех подряд любовников. Стр-расть была уже не с двумя, а с четырьмя «р», секс-символ на секс-символе содрогался и блестел спиной.

В «Музыке» посреди самого лютого и располагающего питерского эстетства четырежды не случилась любовь. Та самая, с мокрыми спинами, глазницами и подколенками. Новый русский хотел жену, а к ней прилетел из Амстердама старый русский, и она не захотела нового. Она хотела старого, но помешала ее взрослая дочка в высоких ботинках, для которой старый русский тоже был не чужой. Старый русский захотел было дочку в высоких ботинках, но она уже успела разобидеться — опять же характерные для новых времен комплексы Кармен. Новый русский с досады захотел свою менеджершу, но та даже без лифа говорила про какие-то командировочные, и он расхотел. Тогда он взял да и на самом деле зарезался, а если б не зарезался, так его бы застрелил пасынок-художник из его же собственного нагана, который вечно валяется под рукой, как в чеховских пьесах — все есть, и наган есть. Старый русский ловит шальную пулю в ресторанной разборке, любящая его жена нового съезжает разумом, и только Нева по-прежнему несет свои хладные воды к еще более хладному Финскому заливу.

Смерть всерьез, а любовь — как бы.

Как бы сын. Как бы жена. Как бы русский. Как бы любит. Динь-дили-динь. Музыка для декабря. Композитор — Антон Батагов.

Переходное время не располагает к любви — вот мысль Дыхо-

Мужик с возу: и кобыле тяжело, и кошке обидно

вичного, возделывающего ныне старую антониониевскую грядку: отчуждение изобильного и рефлексизирующего мира. Тоже, кстати, великий мастер был искать жемчуг в навозе и деготь в меду. Но он и сам по молодости был холодно-кровый, плавный, дымчатый, а Дыховичный горячий и живой, и в пятьдесят на тридцать выглядит и плейбоем слывет — оттого его стынь совсем уж вселенская, лишь изредка искусственно согреваемая и содрогаемая дыханием самолета или костра. Везде ремонт, везде пусто, строго и стены белые, и обостренное вялое недоверие ко всему вокруг, обычное для ежедневных перемен, и люди врозь, и совсем чужие начинают обниматься, оттого что родные собачатся, и Нева, как прежде, холодна и зеркальна, и даже в имени ее отрицание.

«Любовь переходной эпохи бежит от кольца и венца», — писал в означенную эпоху витальный поэт Быков, не любимый отделами искусства, зато любимый отделами общества. Когда кончаются постромки и лыжня, каждый человек алчет жить по-своему, как душевненьке и левой ноге угодно. А любовь — это всегда компромисс, и немного отказ от себя, и на горло песне. Вот люди и стыкаются мимоходом, и разлетаются, и меняют жительство и гражданство, и семеро из десяти окрестных детей растут безотцовщиной. И если 70-е у главного отечественного культуролога Леонида Парфенова ассоциировались с новогодним тазиком салата «оливье» и пугачевскими песенками о нелегкой доле женщины-одиночки, то 90-е в России откровенно семью отталкивают, и, приходя домой, человек одновременно включает магнитофон и телевизор «для ощущения жизни и чьих-то голосов», даже не зная, что это уже было у Жванецкого. И интуитивно предпочитает малогабаритные квартиры, где одиночество не столь заметно среди сваленных на пол вещей и книг — перед кем выставляться-то?

Скользкие связи делают город родным. Вот здесь тебя всегда шикарно кормили, а вот к этим желтым занавесочкам однажды сбежал твой друг от твоей сокурсницы, а там за углом твой братик был представлен своей будущей третьей жене. Памятных мест в городе оказывается впятеро больше, чем при обычном житье-бытье.

Но в городе идет евроремонт, и высокие лепные потолки пустых комнат лишь подчеркивают зябкую букашечность новых лишних.

Не знающих проблем.

Льющих с балкона в Неву птичье молоко.

Принесенных ветром.